

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

1 ИЮЛЯ 1915 ГОДА
ПЕТРОГРАДЪ.

A black and white photograph of the interior of the Grand Ballroom at the Waldorf-Astoria Hotel. The room is vast and ornate, featuring a high ceiling with a large, central chandelier. The space is filled with numerous columns and arches, creating a grand architectural structure. The floor is polished and reflects the light. In the foreground, several small tables and chairs are arranged, suggesting a formal event or reception. The background shows a large, arched doorway leading to another part of the hotel.

Большой белый зал.

РУССКІЕ ЛЮДИ ВЪ СОБРАНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА.

Собрание Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича, находящееся во дворцѣ Его Высочества на Дворцовой набережной у Мошкова переулка, представляет огромный интерес не только для специалистов искусства и исторіи. Превосходные портреты масломъ, многое множество миниатюръ, отлѣпчана табакерки и многіе предметы обихода воскрешаютъ цѣлый міръ давно ушедшаго времени. И странно сказать, что въ эпоху ужасовъ и

жизни и тѣмъ острѣе и боѣзненнѣе осознаемъ и переживаемъ холодный ужасъ небытія. Вотъ черезъ сто лѣтъ и наши внуки будутъ говорить про насъ съ той же ласковой усмѣшкой и еще больше и полнѣе будутъ ихъ багажъ воспоминаній. Но наше время—холодное и безразличное—глядятъ на нихъ съ мертвыхъ снимковъ Буассона, мы же изъѣмъ огромную радость ощущать прошлое и говорить съ несуществующимъ уже поколѣніемъ языкомъ неизмѣнно вѣр-

Кабинетъ. Мѣлѣо—письменный столъ, за которымъ работаетъ Великій Князь.

скорби, въ дни тяжелыхъ потерь, въ дни, когда у каждаго изъ насъ есть кто либо родственникъ или близкій, ушедшій на вѣки, какъ то еще острѣе и боѣзненнѣе ощущается все это умершее прошлое. Смотришь на валяющихся вѣломой, жившихъ и радовавшихся, на этихъ красивыхъ женщинъ, любившихъ и любимыхъ, на героевъ, любящихъ и прославившихся, и на смѣшныхъ напыщенныхъ старухъ—призраковъ собственной ихъ юности—и думаешь: такъ умерли вы, такъ умереть и мы, такъ грустили вы и такъ же мы печалуемся... Разница только въ томъ, что они не знали о насъ, о своихъ потомкахъ, мы же въ вѣнокъ воспоминаній вплетаемъ и ихъ

нихъ, сильныхъ и глубокихъ художественныхъ воспріятій. Ибо все, претворенное черезъ призму искусства, сохраняя свою правдивую сущность, очищается отъ таѣна случайныхъ житейскихъ наслоеній, концентрируя въ себѣ квинтэссенцію выразительности...

Всѣ эти мысли приходятъ въ голову, когда глядишь на тысячи маленькихъ существъ подъ стеклами въ узкихъ рамкахъ, пригвожденныхъ къ стѣнкѣ и прошедшихъ черезъ судъ нашего сужденія и исторической оцѣнки. И кого только не увидать и съ кѣмъ только не познакомиться въ этомъ пестромъ калейдоскопѣ! Но по странной случайности не всегда радости должны быть встрѣчи въ живописныхъ

Кабинет Великого Князя.

Посреди портреты кн. Н. Зубова, раб. Лавина—отца; из астральн. ряду: Илл. Александръ I и гр. А. А. Аракчеевъ (раб. Лавин); подъ ними: гр. Ф. В. Ростопчинъ (раб. Тонка) и гр. П. В. Завадовскій (раб. Лавина—сына). На правой стѣнѣ, надъ бюстомъ—кн. А. Б. Курakinъ. Совѣтъ направо—Наполеонъ (раб. Жерара).

призракахъ изображенныхъ мертвецовъ. Вѣдь досадно, должно быть, вѣсѣть на одной стѣнѣ, въ одинаковыхъ обрамленіяхъ, тѣмъ, кто при жизни соперничали, ссорились, не любили или ненавидѣли другъ друга. И еще печальнѣе и больнѣе чувствуется тѣмъ, кто, близкіе при жизни, разлучены теперь... Но безжалостная жизнь продолжаетъ быть жестокой и въ художественномъ претвореніи. Что же подѣлать, вѣдь нельзя заниматься понымъ строительствомъ жизни этихъ маленькихъ призраковъ ушедшихъ жизней.

Въ собраніи Великаго Князя эти воспоминанія о

прошломъ, тѣсной пеленой окружающія миниатюрныя изображенія и не мало разныхъ думъ вызываютъ знакомцы, чинно висѣщие на стѣнахъ. Тутъ и фавориты, и военнопочалянки, и государственные люди, и дипломаты. Тутъ и авантюристы, и чудачки, знатныя дамы, писатели, актрисы, художники, просто дворяне помѣщики и развѣсы, которые были такъ въ модѣ и въ силѣ въ XVIII столѣтіи. Недаромъ какой-то злой французъ сказалъ о дворянскій Россіи:

„En Russie tout le monde est noble ou en train de le devenir...“

Витрина съ миниатюрами.

Можно разобрать лишь сѣдуица. Наблю (отъ зрѣлца) Суворовъ, подъ нимъ гр. З. Чернышевъ; посреди, 2-й сверху, Суворовъ раб. Бешенъ; направо (въ томъ же ряду) гр. В. В. Ферморъ; внизу посреди, 2-й снизу—Потемкинъ и С. А. Потаповскій.

Императоръ Александръ I и Императрица Елизавета Алексеевна. Раб. К. Агрикولا.

Вотъ главные дѣятели и приближенные русскихъ Императрицъ въ красивый вѣкъ царствования женщинъ: легкомысленный и злой красавецъ, всецѣльный князь Платонъ Zubovъ, графъ П. Завадовскій, князь Андрей Разумовскій—другъ сердца первой жены Императора Павла, пріятель Гайдна и Бетховена, дважды женатый на австрійчкѣхъ. Потомъ длинный рядъ военноподначальниковъ и героевъ: Суворовъ, съ его хитрымъ и унизкимъ лисьимъ лицомъ; генералъ-аншефъ, главнокомандующій въ Москвѣ при Екатеринѣ князь А. А. Прозоровскій; «Россійской Колумбъ» — по выраженію Державина — мореплаватель Шелеховъ, основатель теперь нами утерянныхъ русскихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній. Потомъ славные до сихъ поръ герои русской исторіи: «остроумный живчикъ»

Имп. Елизавета Алексеевна. Эмаль, раб. Евремова.

фельдмаршалъ графъ Каменскій и другой фельдмаршалъ генералъ-губернаторъ Парижа въ 1814 г. князь Фабіанъ Остенъ-Сакенъ, о которомъ Беранже говорилъ: «Ce bon Monsieur Saken au coeur si tendre», намекая на его любовь къ красавицамъ. Хороши и герои Отечественной войны: князь Багратіонъ, Кутузовъ-Смоленскій, храбрый и пылкій, посѣдѣтый въ «Кавказскомъ Цѣпаникѣ» князь Цицѣановъ, гуманный А. А. Бибиковъ, добрый и всѣми любимый казакъ графъ Платовъ. Тутъ же и генералъ де-Прерадоичъ, погубившій свою блестящую карьеру неумѣрнымъ увлеченіемъ одной француженкой. Онъ былъ такъ влюбленъ въ нее, что, забравшись съ нею въ коляску во время Фриланда-скаго сраженія (1807 г.), стоить увлекся любовничаньемъ со своею краси-

Графиня Ек. Петр. Шувалова, роск. Салтыкова. Раб. Грёза.

Графиня Д. Х. Ливень, роск. Бениксдорф. Раб. Лауренс.

Комната со стённой живописью въ античномъ вкусь. Наилго отъ камня—Натанасокъ, раб. Г. Лефевра. Посредникъ, въ углу, портретъ раб. Лауренса; нальво—портретъ раб. Грёза.

В собрании Великого Князя не мало портретов и более значительных деятелей — государственных мужей: генерал-прокурора гр. Самойлова, графа Д. А. Гурьева, министра финансов, — притом, более известного публики за изобретенную им превкусную «гурьевскую кашу», — князя Конаueva, «сумасшедшего Федюки» гр. Растворчина, «обезьяны в мундире» всеильного Аркашева, гр. Виктора Панина, гр. Е. Ф. Канкрин, занимавшего в 1823 г., как они самъ выражались, «огненный стулъ министра финансов» и бывшего страстным любителем

ней, что, несмотря на просьбы, уговоры и убеждения своих товарищей и адъютантов, не хотѣлъ вылезать изъ коляски и такъ остался въ ней до конца сраженія, за что вполне справедливо заслужилъ немедленно и вынужденъ былъ оставить службу навсегда...

А вот в акварели Карла Брюллова канарестом дьявица Дурова, служившая в Литовском уланском полку и вышедшая в отставку штабс-капитаном. Она так освоилась со своей ролью, что говорила о себе в мужском роде, всегда ходила в мужском костюме и тщательно скрывала свое неудач-

женщин, о поведении которого так высоко отзывались Лесков в „Совместителях“ — „буквописной повести на исторический канв“⁴. Рядом с этими представителями разных вѣдомств надо отметить и дипломатов: русского посланника въ Парижъ при Екатеринѣ Симолина, проводившаго дня и ночи не въ дипломатическихъ дѣлахъ, а среди продажныхъ женщинъ; извѣстнаго графа Алопеуса и настоящаго барина, и дворянина не по грамотѣ, посланника въ Вѣнь Д. Татищева — кавалера ордена Золотого Руна. Занимательны и любопытны фигуры авантюристовъ и чудачковъ — этихъ характерныхъ особенностей XVIII вѣка. Вотъ интереснѣйшій

А. А. Бибиковъ.

Лейбъ-кучеръ
Илья Байковъ.
Раб. Визьена.

исполненный в Италии, барельефный портрет „княжны Таракановой“, столь предательски заманенной дживной любовью чужеского героя,— женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни черна, а глаза имѣютъ большіе и открытые, цвѣтомъ темнокоріе и косы, брови темнорусые, а на лицѣ есть и веснушки“.

Смѣхотворныя, а порой и страшныя русскіе чудачки и пошлости самодуры. Вотъ, напримеръ, сынъ фельдмаршала графа Сергѣя Каменскій, извѣстный театралъ, прославившійся своимъ театромъ въ Орлѣ и своими жестокостями, о которыхъ повѣствуетъ Лясковъ въ прелестномъ разсказѣ „Тулейный художникъ“. Вотъ сынъ екатерининскаго любимца „русскій Моисеяраисъ“, безумный графъ

триевъ-Мамоновъ, не чуждый „литературѣ“, ибо принадлежалъ маніи преслѣдованія имъ сочиненія были
ый „Catalogue des gens qui ont contribué à ma

е“. Вотъ и графъ Михаилъ Руминцевъ — сынъ Задунайскаго, умершій въ сумасшествіи, выразившемся въ его страсти къ женскимъ нарядамъ. Желать оя не было, имѣлъ женскіе вкусы и подь конецъ жизни даже воображалъ себя экономкой и занимался женскими работами. Заслуживаютъ вниманія и знатныя дамы, всѣ тѣ „княгини Марьи Алексѣевны“, мнѣнія коихъ часто рѣшали многія государственныя дѣла: графиня А. К. Воронцова, графиня А. Д. Чернышева „la plus méchante créature qu'on puisse voir“, воспитанная Державиннымъ la belle pochante, одна изъ пяти племянницъ — фаворитокъ Потемкина, гр. Скавронская, княгиня Д. Х. Ливентъ — „une femme commune, fatigante

et aride“, мистическая баронесса Кридиеръ и красавица Агала Давыдова.

Хороши и портреты

дѣятелей искусства, литературы и сцены: А. С. Грибоедовъ, князь Одоевскій, Лермонтовъ, архитекторъ Воронихинъ, гравёръ Скободумовъ, знаменитая пѣвица Гериетта Зонтага, пѣвшая въ 40-хъ годахъ петербургскихъ мѣломановъ.

А вотъ и танцовщица Истомина, изъ за которой было нѣсколько нашествій дузлей, воспитанная Пушкинымъ капризница:

Благостельна, позволудушна,
Синьку золотобому послушна,
Толпую шифу окружена,
Стоитъ Истомина — она
Одной ногой касая пола,
Другую несласно кружить,
И заруть прыжкомъ, и вдругъ летитъ...
Лепить, — какъ пухъ изъ устъ
Богъ.
То ставь советъ, то разовѣсть,
И быстро ножку ножкой бѣсть.

Потомъ идетъ цѣлая толпа разныхъ дамъ и мужчинъ многочисленныхъ дворянскихъ фамилій: славные Строгановы, Долгорукіе, Татищевы, Милорадовичи, Нарышкины, Разумовскіе, Бутурлины, Голицыны и Волконскіе образуютъ ту уютную старосвѣтскую дворянскую семью, отъ которой въ Россіи остались только бабушкины рассказы.

Но, можетъ быть, иногда думается мнѣ, стали хороши и занимательны эти ушедшіе люди только теперь, въ нашемъ всеукрашающемъ воспоминаніи, и, Богъ вѣсть, будь мы свидѣтелями ихъ жизни, такъ ли тепло и дружески судили бы мы объ ихъ поступкахъ и характерахъ? Нѣтъ, лучше не будемъ вздыхать

о прошломъ и осматриваться кругомъ себя, гдѣ теперь все яркое, живое, могучее и во сто кратъ болѣе значительное, чѣмъ то, что было прежде.

Баронъ Н. Врангель.

Кабинетъ Великаго Князя. Рѣзные колонны.

Кресло Empire.

Бронзовые часы Empire.

Перепечатка изъ М. безъ указанія источника воспрещается; перепечатка издательствомъ и группой воспрещается.
Издание 20 марта 1917 года.

ХОЛОМКИ.

Псковского уезда. Псковской губернии—
 имение кн. А. Г. Гагарина).

Не только старинные усадьбы бывают красивы, какъ
 не только «ампирные» и вообще классическіе дворцы и дома
 помѣстій можно считать архитектурно-художественными.
 Правда, не много такихъ красивыхъ сооружений, подлин-

Холомки. Ротонда, детали колонны.

ной благородной (и выражающей характеръ русской
 усадьбы) архитектуры.

Конечно русская усадьба и châteaux въ характерѣ
 тѣхъ, что такъ прелестно сочетаются съ окружающимъ
 ихъ холмистымъ пейзажемъ по берегу р. Луары—понятія
 несомнѣнны. Нѣтъ у насъ ни тѣхъ холмовъ, которые
 дѣлаютъ живописный силуэтъ замка уместнымъ на этомъ
 фонѣ, нѣтъ ни тѣхъ породъ каменъ, изъ котораго только
 и можно пріять допустимыя сооруженія «замкообраз-
 ныхъ» акадій Франціи. Да, конечно, выстроены изъ
 кирпича и оштукатурены они произведутъ иное впечатлѣ-
 ніе; уже самыя ихъ формы, и башни, и вѣзды
 будутъ всегда давать впечатлѣніе чего-то неужнаго,
 театрального, чужого.

То же еще въ большей степени можно сказать и о
 готическихъ и бѣмскихъ замкахъ, и о стнѣхъ laux gothiques.
 Частая классика—греческій, римскій стиль—неумѣстно
 отсутствіемъ оконъ, ренессансъ—не практиченъ, требую-
 щимъ тщательнаго выполненія и неусыпной поддержки
 (и иного попросту климата) деталями...

Такъ въ какомъ же стилѣ строить новую усадьбу?
 Какъ ни странно, русскій стиль вовсе не подходящъ.

Холомки. Колоннада и передній фасадъ дома.

Грузинъ, не терпящихъ большихъ оконныхъ и
 дверныхъ отверстій (въ какъ же дача, вилла,
 усадьба безъ широкаго доступа свѣта? какъ
 же безъ террасы?)—вообще не приспособ-
 лены къ современнымъ потребностямъ.

Указавъ русскую проналою жилища пока-
 зывая намъ общирную сокровищницу, изъ ко-
 торой можемъ черпать матеріалъ чудесный
 для созданія русской усадьбы, фермы, дачи,
 виллы.

Классическій періодъ итальянскаго ре-
 нессанса, эпоха, когда этотъ стиль былъ пе-
 реработанъ въ духъ новыхъ (XVI в.) бан-
 кихъ уже намъ извѣстъ.

Получился просто, благородно и кра-
 сиво, торжественно, гордо и уютно. Виллы
 дождей и папскихъ, виллы богатыхъ графовъ
 и просто владѣтельныхъ земледѣльцевъ на сѣ-
 верѣ Италіи—виллы построенныя Андреа Пал-
 ладіо. Вотъ кладовыя! И наши аэоліе XVIII—
 XIX вв.—Гваренги, а за ними и другіе, на-
 садивъ у насъ культуру этого же типа зданій.

Прошло сто с лишним лет с тех пор, как создана была Екатерина-Александровская усадьба—и ничто не изменилось. После неких исканий (и столь измучивших в 1900 году) мы вернулись к ампир, к этой перефраз итальянского канса конца XVI века.

Усадьба К. И. Кендо (граф. Левашовой) в Подольской губ., инокатория новая подмосковная, построенная И. В. Жолтовским и другими на берегу Москвы-реки, дача Руперта, дома в усадьбах под Москвой построенные архит. Михайловым, Эриксеном; дом в им. Левшина Курской губ., и др., принадлежат к числу усадеб нового типа. Это классика почти такая же, как 100 лет тому назад. Только имье гр. Левашовой построено в ином роде.

Передь нами сейчас другое произведение арх. И. А. Фомина, любопытное особенно тем, что оно было построено лишь

по проекту Фомина, заданьи являлись сами владельцы: князь Андр. Григорьев. Гагарин (б. директ. Политехнического института в Петрограде) и два его сына—Сергей и Андрей. Иные в живописной местности Исковской губ. С одной стороны его портик (традиционный портик ионической колоннады) с большой балюстрадой, между колоннами (хороши балюстры—это так рзко бальств). С другой стороны полукруглая ротонда, перекрытая куполом. Прелести парных колонн. Мне удивительны, изданный по верху над карнизом.

Вся формы простые, гладки, безпримеси, нетрудны для выполнения, а в общем получилось красивое образцовое здание и это при условии что строили дилетанты, которые могли испортить и который детали,—что значит строить по хорошему проекту!

Нынче в домъ ладить для разнелыхъ поню.

Г. Лукомский

Холомки. Портикъ съ ионической колоннадой.

Замысливаю изъ „Country Life“.

ДЕБРИ АМАЗОНІИ.

Гдѣ то я видѣлъ карту полушарій, на которой отмѣлены мѣста, еше неизвѣстныя человеку, ко крайній мѣрѣ—культурному человеку. Еще есть въ мѣрѣ такие мѣста, на которые не ступала нога бѣлаго. Не говоря уже о сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ пространствѣ, такіа неизвѣдома области остались на сѣверо-западъ Сѣверной Америки, въ центральной части Африки, въ центральной части Австраліи; цѣлый рядъ острововъ на югѣ Великаго океана, часть Патагоніи и верховья Амазонки въ Южной Америкѣ.

Передо мною книга американскаго путешественника Альмота Линка: „Въ джунгляхъ Амазоніи“.

Если бы въ предисловіи не было сказано, что книга носитъ научный характеръ, что въ ней написано только то, что путешественникъ видѣлъ своимъ глазами, если бы въ книгѣ не было 86 фотографій, снятыхъ имъ самимъ на Амазонкѣ, то несомнѣнно подучилось бы впечатлѣніе, что это одна изъ фантастич. Майн-Ридъ или Фенimore Купера.

Линкъ разсказываетъ чудеса.

Я также былъ въ Амазонкѣ, но только въ нижнемъ ея теченіи, тамъ, гдѣ она уже болѣе оплодотворена, а Линкъ описываетъ ее верховья, куда еще съ большимъ трудомъ проникнуть только искатели науки; даже англичане, такіа паздѣ до сихнѣ приключеній и путешествій, не рискуютъ до

сихъ поръ взлѣтъ въ дѣвственные лѣса Амазоніи. Вотъ что разсказываетъ Линкъ.

Изъ поселка Флореста на рѣкѣ Итекоан отправляется экспедиція искателей каучука вверхъ по рѣкѣ. Съ нею ѣдетъ авторъ. Его предупреждаютъ, что это путешествіе грозитъ страшными опасностями, что рѣдко половина участниковъ возвращаетъ обратно, а иногда погибаетъ все.

Экспедиція подымается вверхъ по рѣкѣ, въ лодкѣ, среди сплошнаго дѣвственнаго лѣса. Тропическая природа полна своихъ звуковъ. Тамъ въ фьркахъ, купахъ въ рѣкѣ, кричатъ попугаи и дараы, начинается кланіе милліоновъ лягушекъ: въ этой резной странѣ кажется, что онѣ кричатъ все одно и то же—„rubberboots, rubberboots“ (газоши). Безумно надъ головою пролетаютъ вампиры, подъ вечеръ напознать воздухъ своимъ страннѣмъ крикомъ, особой породою сова, которую зовутъ лѣсъ „мать луны“. Но больше всего стараются рѣшуть обезьяны, крикъ которыхъ непривычное ухо можетъ принять за рыканіе льва гдѣ-то вдалѣ. Иногда воздухъ прорѣзывается жалобнымъ крикомъ какого-нибудь маленькаго животнаго, появляющаго въ пастъ четвероногому хищнику или удаву.

Въ верховьяхъ Амазоніи. „Озеро невинности“.

Внимательно, что вы обладаете способностью гипнозизировать не только животных, но и людей. Истратившись в джунгли леса со взглядом удава, животное замирает, точно в гипнотическом сн и жажда, не двигаясь, пока странной змее будет угодно покинуть на него изв сказуемое мгновение раздвинуть в своих страшных объятиях. Этим рассказав автор и вприт, и не вприт; живя среди чудес джунглей, вы постепенно привыкаете относиться осторожно к тому, что раньше показало бы ему несомненно вымыслом: многое неопровержимо оказывается существованием. Книга по Флоресте, автор бдительно на рыб-

Амазонка. Густой туман, который тропическое солнце преодолевает только на полудне.

Кожа чудовища, уже в сухом виде, оторванная в Нью-Йорке, была длиной 54 фут. 8 дюйм. и шириной 5 фут. 1 дюйм. Совершенно сказочные цифры! Эту сказочность учитывает и сам автор; он говорит своим слушателям: «Послушайте, вот мы с вами сегодня, 29 июля 1910 г., увидели эту чудовищную змею. Мы сами ее видели, мы сейчас стоим в лодке на ее шкуру, но когда я крикну Нью-Йорку, вы своим воображением станете рассказывать об этой змее, они сочтут меня за лжеца и фантазера».

На это, будто бы, ответил из Нью-Йорка: «Вы говорите, сэр, что змея народ

Крокодил из «Озера невинности».

Заготовки научных «человеческих» голов» на берегу Амазонки.

ную лодку с тремя индейцами. Однажды они проводят целый день в челноке и около 6 час. вечера спешат домой, чтобы попасть еще до темноты—тропическое солнце садится всегда в 6 часов. Но дорог им слышат странный шум. В первый момент думают, что это купается тапир или шурина в зарослях крокодила, но один из индейцев испуганно прокричал: «сукуруйю!» Сукуруйю—это по португальски боконструкторы.

Присматриваются и видят, что на берегу под большим деревом лежит какой-то свая куча, пирамидальной формы, высотой больше сажен, наверху кучи горят два маленьких огонька. Это глаза удава! Увидевшая удава, индейцы вместе того, чтобы схватиться за оружие, ошарашены. Но американец не растерялся, он предлагает из своего ружья, какого-то неопровержимо калибра, и драть да выстрел в эти свисающие точки. Выстрел будит индейцев, от их ошарашения, и они тоже вскакивают из чудовища два зарыва. Раненый удава описывает такие круги в воздухе и так ударили хвостом по воде, что нужно как можно скорее грести на середину ртца—один удар хвоста мог перевернуть лодку. Когда через два часа все успокоилось и американец вышел на берег, то оказалось, что это была змея 56 фут. длиной и 2 фут. 1 дюйм в диаметре!..

Собиратель черепаховых яиц на Амазонке.

не поверить, что у нас есть змея длиной 56 фут., а вы рассказываете нам, что в вашем городе Нью-Йорк есть «барракуда» (дома) в 35 и даже 40 этажей. Как же вы хотите, чтобы мы поверили в такую вещь?»

Но продолжаем путешествие по Итекан.

После нескольких дней пути человек останавливается у спящих зарослей. Каждый берет себе на спину небольшой запас провизии, состоящий из сушеного мяса, сушеной рыбы и муки, у каждого ружье и особый топор. У американца, кроме того, фотографическая камера и значительный запас химии со шприцем для поджигания ирискивания. Ежедневно хитрый привнесет десертный и скверно делятся поджигания ирискивания химии, иначе смерть от желтой лихорадки неизбежна.

Начинают врубаться в лес.

Не идут в лес, а именно врубаться. Запасный лес—это спящая темная масса, много выжженная испарениями, никогда не видящая солнечного света. Густой лес так заплетен аянами, вьюнками и вьюнками мхами и орхидеями, что ни один луч солнца не проникает сюда. С изумительной ловкостью индейцы пробивают себе дорогу, продвигаясь друг за другом в темной чаще. На раз-

Берег Амазонки.

Берег Амазонки.

стояли 2—3 фут. один уже не видит другого! Так и идут целый день. К вечеру останавливаются у какого нибудь ручья или на случайной прогалинке и делают тут "тамбу". К деревьям или стоящим прибрежным перекаланим, покрываются сверху громадными пальмовыми листьями и в этом шалаше нелегко жаркие тамки, которые каждый несет для себя.

Дневной лес живет ночью своей фантастической жизнью:

кричат "дым дым", жалобно стоить туман. Громадное количество москитов вслѣзъ породе съ остервенѣніемъ накладываютъ на живущих. Ист курать трубки, чтобы хоть немножко отогнать этихъ ужасныхъ — жесушихъ желтую лихорадку, малярию и бубоны — насекомыхъ. Но они все-таки кусаются и заражаютъ кровь чужаковъ. Съ еще большими остервенѣніемъ нападаютъ муравьи. Они являются откуда-то цѣлыми миллионами и ползутъ въ тамки, несмотря на то, что веревки намазаны толстымъ слоемъ вазелина.

Въ одномъ изъ тамбу происходитъ такой случай.

Среди ночи вдругъ раздается страшный вой. Въ первый моментъ кажется, что это идетъ издалека страшный ураганъ. Но откуда ураганъ въ джунгли? Звукъ все усиливается, приближается. Что-то трещитъ, ломается и вдругъ съ такимъ же страшнымъ воемъ проносится черезъ тамбу. Все рушится, сплеще падаетъ на землю, предводитель экспедиции, схвативши ружье, бѣжитъ въ темнотѣ по тому направлению, куда удалился ураганъ... Оказывается, что на тапирѣ, пасягося около тамбу, сидѣлъ черный игуаръ и влился ему зубами въ спину. Тапиръ со страшнымъ воемъ отскочилъ на чату, чтобы сбросить съ себя врага, но бесполезно... Тапиръ направляется къ ручью, около котораго построена тамбу, чтобы спастись въ воду, и по дорожкѣ все переворачиваетъ...

На утро тамбу покидается; начинаютъ прорубаться дальше. Въ тамбу остается небольшая запасъ провизии для возвратнаго пути. Совсемъ жаль въ экспедиціяхъ къ полюсамъ.

На седьмомъ тамбу одинъ изъ индейцевъ, участниковъ экспедиции, умираетъ отъ приступовъ желтой лихорадки, другой отъ бери-бери.

Американецъ, изувѣвъ въ толстыхъ буйволовыхъ сапогахъ, одетыхъ нѣсколько отъ укусовъ ядовитыхъ змѣй. Но индейцы кусаетъ змѣя на каждомъ шагу. Предводителя экспедиции — "джангара" — небольшая, но ядовитѣйшая змѣя. Смерть неизбежна... Чтобы чѣмъ-нибудь помочь, американецъ бросаетъ къ ногъ индейца, высасываетъ изъ ранки кровь, насыпаетъ около ранки кучку пороку и заливаетъ его. Маленький зорыш, ного индейца обгорѣлъ, но онъ, молча, сплюснулъ зубы, переноситъ страданія. Но и это напрасно. Черезъ два часа онъ уже мертвъ.

Садъ, гдѣ прощолъ громадный удавъ "сукуюруку" на песчаной отмели Амазонки.

"Озеро невинности". Стрѣльба рыбовъ изъ луна.

вз на озоту и кь полуудно возвращался обратно. Вторая часть парохолда спокойно...

В хилонку алазает громадное количество муравьев, скалозавов, тарантулов. Чтобы издать свой новый костюм, долго лежалый на дщ чмодава, автору доажел быть предварително вытравленым из парохолда десетка дла этиж скалозавов и тарантулов, не считая муравьев и прочей мелочи! Зато на обдъ у каучукового богача, куда автор отправился в этом костюме, его угостили превосходным ростбифом из танира и рату на маршешек, что показавало особенно вкусно послат сушеного мяса и мукн в течение цфамых мьншесн.

Оригинальная война велась с пауками-атидеозониз. Эти громадные пауки самым извращенным образом забирались кь Ланку вь тамаж, тотъ пробовать проглотить ихъ кулакомъ, паукъ удалялся на нисколько нинути и возвращался снова. Ланка начал гоняться за паукомъ сь молоткомъ. Но паукъ оказывался гораздо ловчее Ланка: того это разозлило, что онъ вьзял свое ружье большого каибра, употребленное для стрельбы кабановъ, и началъ вальти вь паука. Только послат нисколькож выстреловъ удалось застрелить эту тварь.

А мы ширасно не били его большой скорородой, — сказать потому автору божье опытный охотникъ, знакомый сь мьстными условиями. — Иногда скоророда лучше ружья большого каибра...

Мьстные индйцы, въ таубитъ джунглей, еще не знаютъ огнестрельного оружя. Они берутъ длинную трубку, аккавываютъ въ нее тоненькую палочку изъ очень твердого дерева, цфалетъ кузаа нужно и дулитъ вь трубку. Конечъ, стрѣлы нмазаны ядомъ и маьблан паранна смертельна. Индйцы рѣдко проминаются, стрѣлая такимъ образомъ.

Хороший рабочий, собираетъ каучукового сока, получаетъ въ день не мене 9 долларовъ (22 руб.), но при эдипней расцѣнкѣ эта плата оказывалась ничтожною. Фунтъ мукн стоитъ дѣльс 1 руб. 20 коп., коробка сарангъ 3 руб. 20 коп., бутылка виски 33 руб., фунтъ сахару 80 коп., фунтъ картофеля 1 руб. 65 коп. Дешева только человеческая жизнь: по статистикѣ, скорѣе презумируемой, каждая тонна каучука стоитъ человеческой жизни.

Кто не бьзалъ въ тропикахъ, тѣ думать, что тамъ ужасная жара. Лютюмъ въ сухой напей степи бываетъ иногда жарче, чѣмъ подъ экваторомъ. Ужасна не эта жара, а необычайная сырость воздуха. Все пропитано парами и часто даже тропическое солнце только къ полуудно пробиваетъ пелену тумана. Все сырое, почти морское. Ночью кругомъ молочный туманъ и въ этомъ туманѣ родитъ желтая зихорадка. Нить ночной осыжающей прохлады.

Изъ „Remate de Males“ по Флоресту возможно проѣхать на парохолдъ; парохолд ходитъ, конечно, не по расписанью, а тогда,

когда собирается достаточное количество пассажировъ и груза. Это судношко всего въ 40 фут. длиною, съ двигателемъ въ 12 лошадиныхъ силъ. На такой парохолдъ садятся сотни рабочихъ, короны, жены, ослы и товари. Все загружено така, что тамъ для спящихъ приходится вѣшать одинъ надъ другимъ въ три-четыре этажа. Хотя это и опасно, часть пассажировъ всежидь забирается на крышу парохолда. Парохолдъ вьлетъ дельс и ночь, и срежъ ночной темноты рулевому приходится управлять почти наугадъ. Парохолдъ то толкается къ одному берегу, то къ другому, то зацѣпляется за плывущее дерево, вымытое вѣтромъ съ нориями, то садится на мель.

Но самое неапротное происходить тогда, когда парохолдъ нъ темнотѣ шодаетъ близко къ берегу, съ котораго въ воду бьнаются деревья. Какъ-нибудь пѣтка плывутъ вьдѣлется съ крыши все, что тамъ вьложено, и въ воду аетитъ багажъ, ослы, люди и прочее. Въ абсолютной темнотѣ такое купанье не особенно приятно, тамъ бьваетъ, что за парохолдомъ вьрѣдко слышутъ дѣлши грохотъ рыбы, а случайно бьветъ и семейство крокодиловъ. Каждый такой инцидентъ стоитъ нисколькож такажъ потерпѣнато груза и дѣловыхъ жителъ. Залѣсъ всегда сначала току что вь грузъ, а потомъ уже о жизни.

Кругомъ вода и вода, но не дай Богъ алазѣть вь эту воду. Изъ десяти случаевъ въ девять кушанье бьветъ смертельно. Не говори о томъ, что очень большой рискъ схватить малярю или дисентерю, кушающійся рискуеть попасться въ зубы крокодилу, быть укушеннымъ водною змѣей или ошеломленнымъ электрическимъ угремъ, а затѣмъ еще цѣлая коллекция различныхъ рыбъ, такъ или иначе нападающихъ на человека. Безвѣстная рыба Амазоня „пирарукъ“ достигла такима размѣровъ, что се съ трудомъ несутъ четыре человека.

Амазонка жинитъ пирарукъ. Пираруха это небольшая рыба, величиною съ нашу селедку, но съ очень острыми зубами и съ поразительнымъ пахальствомъ. Стентъ человекъ войти въ воду, какъ она бросается на него и моментально вырываетъ кусокъ мяса. Индйцы никогда не вьходятъ въ воду босикомъ. Ноги непременно досаживаютъ когти.

Нѣкоторые индйскіе племена опускаютъ своихъ покойниковъ въ воду и черезъ два-три дня отъ нихъ остается только дѣлши скелетъ, который затѣмъ покрывается особымъ каучуковымъ лакомъ и вьвѣшивается на крышъ жилища, сохраняясь многие годы. Работу могильщиковъ исполняютъ пирарухи.

Не меньше пираруха опасна кандиру. Эта рыбашка всего въ 3-4 дюйма длиною, тоненькая, удивительно довка. Какъ только

Пальма „мурумуру“ въ заросляхъ Амазонки.

быть чѣмъ-нибудь укутана, иначе отъ иръ могутъ остаться только кости... Пираруха бросается на человека по-одиншкю, но если попасть въ цѣлау ихъ стаю, то жизни грозитъ большая опасность, рѣдко можно уйти отъ нихъ. Нить божье назаваного зѣира въ мѣрѣ, какъ эта пираруха.

Нѣкоторые индйскіе племена опускаютъ своихъ покойниковъ въ воду и черезъ два-три дня отъ нихъ остается только дѣлши скелетъ, который затѣмъ покрывается особымъ каучуковымъ лакомъ и вьвѣшивается на крышъ жилища, сохраняясь многие годы. Работу могильщиковъ исполняютъ пирарухи.

Не меньше пираруха опасна кандиру. Эта рыбашка всего въ 3-4 дюйма длиною, тоненькая, удивительно довка. Какъ только

Поселокъ Флореста на Амазонкѣ „зимою“ (во время наводнения).

„Тамбу“ индѣйцевъ каучука въ тропическомъ лѣсу Амазонки.

насти палеонтология, когда именные ученые нашли их, так же добрых Африка и южная Австралия. Этот гигантозавр оказался не в несколько раз больше того диплодокуса Карнеги, которого несколько лет назад считали величайшим из допотопных животных. Что за малое животное был гигантозавр, можно судить потому, что шея его была не меньше 6 саж. длиной! Животное

было, видимо, очень крупное, так как мозг его не больше человеческого. Едва ли возможно рассчитывать, что даже в самых глухих дебрях нашего мира удастся еще найти живых чудовищ в роде этих диплодокусов и гигантозавров, но несомненно, что и естественную науку ожидает еще много сюрпризов! Чего так ждать, пока такая дребнь, как веропись Амазонки, ставит известиям человека?..

В. Крылов.

¹⁾ Часть этой статьи (без иллюстраций) была помечена мною из "Иск. Пресса".
Прис. автора.

ОГУСТИНА ДЕВЕРЯ.

(Воспоминания театраля).

Это произошло в начале зимы 1859 года. Вь бенефис французского актера Бертон, во Большом театре, — тогда как Михайловский перестраивался, — давал впервые в Петербурге Орфея в аду...

Сама оперетка за отсутствием в труппе пвищов и пвищи, потеряла подающее фiasco, зато дебютировавшая на ней, в ролях „Общественного мнѣнія“ и Венеры, молодая артистка Деверья имела огромный успѣхъ.

Правда, относительно ее таланта мнѣнія сильно раздѣлялись, но относительно вѣнчивости снисхожд. во едино.

Темная патетка, пресловутое сложеніе, не бывавшее ни глубокихъ декальтовъ, ни греческихъ разрывовъ, съ выразительными, несомно чувственными лицомъ и „дымчовыми“ глазами, Огюстина Деверья, съ момента появленія на подмосткахъ, привлекала къ себѣ вниманіе не только сального, но и слабого пола.

Любопытствующіе тотчасъ же навели справки и узнали, что очаровательная дебютантка — ученица Бертон, приглашенная въ труппу по рекомендаціи профессора и прѣзавшая изъ Франціи въ Сѣверную Пальмиру въ сопровожденіи родителей, не далеко ушедшихъ отъ „Пашани“ Некрасова.

На завтра въ столица говорили о необыкновенной красавицѣ. Въ тѣхъ дѣлкахъ отъ насъ арестана французы были увѣрены, что въ Россіи можеть отыскать „сѣмью развѣстной каючки“, что тройка — жиды, „запривожный“ старшая пошлякѣ, что у насъ былъ царь Иванъ Грозный, прованный современниками за свой жестокій характеръ „Васильевенчикъ“ и что у русскаго боярь дѣла курь не каютъ.

Пашани и вѣхъ въ Россію за этими денгатами. Они несомнѣно прусествовать на всѣхъ обходахъ и ужиныхъ, устраиваемыхъ въ честь его очаровательной дочери, сопровождали ее на прогулкахъ, торчали на сѣдлѣ, за кулисами во время репетицій и спектаклей, словомъ, какъ Фигаро, былъ вѣсю и вездѣ рядомъ со своей дорогой Огюстиной, красотой которой, въ концѣ концовъ, должна была обогатить его.

Однако, расчеты его не оправдались.

На одной изъ репетицій „Demi-monde“ Бертонъ, пользуясь правомъ профессора, сдѣлать рѣшое замѣчаніе своей ученицѣ. Чудовищный пашани, за послѣднее время привыкшіи видѣть со всѣхъ сторонъ только поклоненіе красотѣ его дочери, моментально оскорбился за нее.

Слово за слово, страсти разгорѣлись и пугающее незоразу- мѣе разразилось истощающимъ сѣмью.

Пашани вѣрять въспомнилъ, что Бертонъ еще въ Парижѣ, во время одного изъ уроковъ, соблазнилъ Огюстину, и, во послѣдникъ „лучше поздно, чѣмъ никогда“, бросился на соблазнитель съ пашкой...

Натѣвство вѣзжало на дѣло весьма серьезно, принявъ сторону Деверья, и близкаго Бертонъ въ 24 часа высланъ за-границу. Огюстина ничуть не огорчилась происшествіемъ. Онея пашани и профессора свивакала ее по рукамъ и по ногамъ. Будучи отъ природы болѣе куртузкой, чѣмъ актрисой, она теперь могла жить въ полное свое удовольствіе расхолов...

И, дѣйствительно, въ теченіе дальнѣйшихъ пяти лѣтъ ее слава росла не по днямъ, а по часамъ...

Наша „грозомоверка“, по примѣру стараго Юнгера, обильно осыпала эту новую Дяну золотыми дождями...

Она, какъ Архангелъ, спускавшая всѣхъ сонливъ снѣгомъ и мнѣнью любовниковъ, какъ перелетца, ждала увидѣть, что она болѣе не въ состояніи очолаивать съ чудовищныхъ расхолов...

Присутствуя въ театраль на всѣхъ перлахъ представленій въ ложѣ безъ-агла, — въ тѣ времена дѣмъ, подобны ей, не имѣли

права занимать другія мѣста, — наша французка интересовала публику куда болѣе, чѣмъ новыя мѣсы.

Тогда еще не существовало театральнаго „интерьера“, въ потогъ за „настроениемъ“, погружающимъ зрителей въ безпробудную тѣму, почему въ теченіе асего спектакля зрители могли любоваться этимъ „enfant glé“ Петербурга.

Около ее ложи, въ зѣвкахъ, длинной веренищей дежурили алчущіе и жаждущіе милости поцѣловать очаровательную ручку красавицы...

Въ 1866 году дирекція, неизвѣстно за какія заслуги, дала Деверья бенефисъ, Красавица, не долго думая, рѣшила поставить „La belle Hénée“ Оффенбаха, о которой мечталъ весь Петербургъ, наславившись объ опереткѣ, имѣвшей колоссальнѣйшій успѣхъ въ Парижѣ.

Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Наша цензура посмотрѣла очень кося на желаніе артистки, и петербургскія, вѣрнотю, не увидѣли бы этого шедевра Оффенбаха, если бы въ дѣло не вмѣшалась „третья лица“ — вѣнчивые друзья Огюстины, благодаря усиліямъ хозяйствамъ которыхъ цензура вѣдо было снѣто.

Споръ на бенефисъ былъ, конечно, огромный. „La belle Hénée“ имѣла головокружительный успѣхъ, а Деверья, ко всеобщему удивленію, блестяще сыграла заглавную роль.

Послѣ этого ее жизнь въ нашей столицѣ претерпѣла въ снѣшную вахканію. Огюстину буквально носили на рукахъ. Поклонники, одинъ передъ другимъ, старались отогнать въ глаза красавицу, швыряя дѣвѣ на всевозможныя чувства, которая приносила ей въ голову и на которая она была несостоящими.

Въ это время въ обществѣ много говорили о знаменитой фавориткѣ Наполеона III, красавицѣ графинѣ Варасс-Кастелло, явившейся на одинъ изъ придворныхъ маскаралъ въ Таворскъ въ костюмъ „дуза черной“, крокъ которого на ее тѣлѣ не вышло никакихъ другихъ украшеній.

Слушая эти рассказы, Деверья откровенно заявила, что не находитъ въ поступкѣ графини ничего необыкновеннаго. Если женщина прекрасна, она можеть, какъ Фигаро, безбоязненно обаяваться.

И вотъ, вскорѣ на одномъ изъ вѣнчивыхъ ужиновъ, у вѣнчиваго петербургскаго прѣзавкаго повѣреннаго С-о, въ снѣ соби- някъ на Литейномъ проспектѣ, существовавшая и теперь, Огюстина Деверья, обаяваемая, въ вахканію похъ, была позвана на стоъ на роскошно украшенномъ вѣдѣ, несомно шесть лѣтнимъ...

Этотъ ужинъ сталъ причей во вѣдѣхъ Петербурга. Тѣ, которымъ не удалось попасть на него, собирались сдѣлать „попоре- ніе бенефиса“, во пошину, проважавъ объ этомъ, сдѣлала вѣшеніе сѣмью французскій, доказавъ ей, что наша столица не древній Афины и что при вѣнчивомъ непостоянномъ климатѣ, она можеть серьезно простудиться.

Кромѣ того, французскій заинтересовался судебныи властями, къ которымъ, въ то дѣло, стали поступать жалобы на несправ- ныхъ должниковъ, трѣвавшихъ на артистку капиталы, въ болѣнн- ствѣ не спон.

Все это вѣнчивъ вѣнчивъ пошло въ тому, что дирекція не про- должала съ Деверья контрактъ, и она, сыгравъ въ свой бенефисъ 10 ноября 1868 года роль Того въ „Le chéri de Tolo“, болѣе не выступала, а вскорѣ и совсѣмъ исчезла съ петербургскаго горизонта, къ огорченію ее поклонниковъ и радости ихъ баннѣхъ...

Дюма Павловъ.

Царское Село. Лазаретъ имени д-та Уланскаго Ея Величества полна въ день полкового праздника.
(Лазаретъ оборудованъ Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрою Феодоровною и содержится на средства бывшихъ офицеровъ полка и наличнаго состава его).

Сидятъ: графъ М. Г. Шуленбургъ, Н. Г. Каземъ-Бекъ, А. Г. Охотникова, начальникъ лазарета, камергеръ Двора Е. И. В. полк. бар. Е. К. Каульбарсъ, Е. И. В. Вел. Княжна Татьяна Николаевна, сур. команда д-та Уланъ Е. В. Г. И. Александръ Феодоровичъ полка Л. А. Князевичъ, Е. И. В. Государыня Императрица Александра Феодоровна, Е. И. В. Вел. Княжна Ольга Николаевна, Н. С. Сказловъ, О. И. Азвербергъ, кингъ М. А. Трубицкая. Стоятъ: ген-лейт. бар. В. И. Ставъ фонъ-Гольштейнъ, ген-ад. П. П. Барановъ, А. М. Маркова, кнз. Ф. К. Кудашевъ, графъ А. А. Зборманъ, А. П. Винбергъ, В. С. Бобочко, ст. врачъ лев. зокт. Р. А. Гутковский, В. В. Дзуски, О. А. Дворжанина, кингъ С. Л. Кропоткина, М. В. Филиппова, А. П. Палана, локт. Г. И. Бесклинъ, Е. В. Алгиза, баронъ Е. В. Каульбарсъ, Е. Н. Мюрова, Г. Н. Назимова, баронъ Т. А. Каульбарсъ. Сидятъ на полу: шт-ротм. Сказловъ, шт-ротм. Гурьевъ, шт-ротм. кн. Трубицкой, Л. С. Маркова, Е. С. Маркова, пор. Чичагонъ, корн. Керостовецъ, корн. кн. Кудашевъ.

Лазаретъ для раненыхъ воиновъ имени бывш. воспитанницъ училища ордена Св. Екатерины.
Е. И. В. Государыня Императрица Марія Феодоровна, графиня Менгденъ, попечительница лазарета, св. кн. Е. А. Императрица, почетн. повес. штабл. А. В. Пантелеевъ, начальникъ института Е. М. Ершова, старш. вр. Р. И. Колуджуровичъ, Е. П. Лейманъ, С. М. Свиркина, ст. сестра Колмовская, сестры — П. И. Попова, Я. А. Берникова, Л. Н. Ожорова и друг.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна въ Юсуповскомъ лазаретѣ.

Среди снятыхъ въ группѣ: Е. И. В. Великая Княгиня Ксенія Александровна, Е. В. Княгиня Ирина Александровна, И. В. князь Андрей Александровичъ, Феодоръ Александровичъ, Ростиславъ Александровичъ и Василій Александровичъ; князь Ф. Ф. Юсуповъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, ст. врачъ д-ръ Жигановъ, ст. сестра Е. Н. Трубишкова и др.

Княг. Нина Влад. Гали-
цына. Работает в са-
нитарном
позем. Ван-
кой Княжн
Марии Нико-
лаевны.

Княг. Ен. Нин. Галицына, рожд.
Хвоцкая, супруга церковнодей-
стера. Работает в
лазаретъ Имп. Ник.
Воев. Акад. Орга-
низация в своем
имении медицин-
ское
учрежд. в ла-
заретъ (въ сл.
Ново-Водо-
лаги, Харь-
ковской губ.).

Мар. Пор. Сементовская-
Курило.

Сестра милосердія
І. Н. Леонтьева, рожд.
Кативальская, вдова
известнаго изслѣдова-
теля Абиссиніи Н. С.
Леонтьева.

Фрейлина Ел. Мих.
Нрупенская, работаетъ
въ лазаретъ Имп. Ник.
Воев. Академіи.

Ел. Фед. Иваненно,
рожд. барон. Гей-
вингенъ-Гоце.

Дамы, работающія
на нужды войны.

Алекс. Павл. Петров-
ская, рожд. Шипова,
супруга фин-адъют., ухажива-
етъ сестрой милосердія на войну.

Княжна Шаховская, сестра милосердія и
авиаторъ.

О. Н. Одицова, рожд. княжна Путятина.
За санитарную службу под огнемъ вооруже-
нныхъ враговъ награждена Георгиевскими медалями
4-й и 3-й степени.

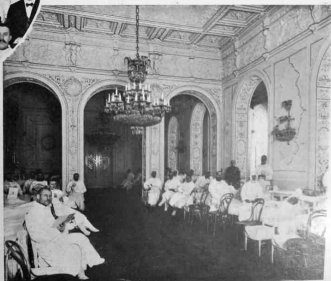
Петроградъ. Лазаретъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Лид. Ал. Шенякова, супруга товарища министра, баронесса Ранса Ваад, Таубе и заведующий лазаретомъ проф. Е. А. Незнамовъ, у постели раненаго.

Петроградъ. Лазаретъ Министерства Финансовъ. Сестры: Н. Ф. Чегодаска, Н. Б. Голыкь, Н. П. Хотюнская, Е. П. Морозовичъ, Н. Н. Гергардъ-де-Граве.

Въ группѣ: оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ, враческій персоналъ и раненыя.

Петроградъ. Лазаретъ при оберъ-прокурорскомъ домѣ. (Вылѣчавшияся).

„Харьновъ. Работа на равныхъ въ зданіи Харьковскаго
Дворянскаго Соборнаго.

*Дамы, работающія на
раненыхъ воиновъ въ
организаціяхъ Краснаго
Креста и другихъ.*

Елиза. Павл. Робиндеръ
(родил. граф. Кутайсова).
Супруга Харьковскаго Гу-
бернскаго Предводителя
Дворянства.

Ол. Ал. Ло-
зин-
ская (родл.
Шмачкова) су-
пруга Пери-
скаго губер-
натора.

Въ сербскомъ лазаретѣ. Среди сестеръ
милосердія Нат. Петр. Ляшина.

Н. П. Ляшина, работала какъ сестра
милосердія во время балканской войны
въ Сербіи, теперь на важнѣхъ перелом-
ныхъ позиціяхъ; награждена Георгіев-
ской медалью.

Баронесса
Иедемъ, су-
пруга Ископ-
скаго губер-
натора.

Петроградъ. Лазаретъ Н. А. Терещенко
имени Е. И. В. Государыни Императрицы
Александры Феодоровны.

Въ группѣ: врачи—К. А. Динилевичъ, С. Е. Шрепбергъ, женскіе-врачи Н. И. Пашкова;
сестры милосердія—А. А. Пазу, А. Г. Стрѣльникова, О. А. Музалевъ, Е. А. Вентцель, С. П.
Яликовъ, О. Г. Дятмаръ, М. О. Беренсъ и раненые.
Лазаретъ оборудованъ на 85 кроватей.

Над. Алекс. Терещенко.

Петроградъ. Лазаретъ Петроградско-Тульскаго Поземельнаго банка во главѣ съ заведующей, супругой члена Государств. Совѣта А. К. Шрепбергъ, директорами банка П. Г. Сорокинъ, П. П. Митинымъ, вице-адмираломъ И. Ф. Бостремъ и старш. врачамъ С. С. Е. Ф. Кюфферъ. Среди дежурныхъ сестеръ состояли при Великой Княгинѣ Маріи Георгиевнѣ О. Н. Философова, Е. Г. Бодина, дочь дворян. тали. сов. Е. Э. Фришъ, вдова фан-дзюганта М. А. Гелеванова, А. А. Чилина, С. Я. Кобецкая и др. Синокомъ произведенъ посѣщ. лѣзарега ген.-л. князь, Васильчиковъ, по повелѣнію Его Императорскаго Величества пожалованнымъ иъкоторымъ раненымъ пожизн. чинамъ георг. медалл.
Раненые—высшіе чины, георгіенскіе кавалеры.

Э. Дега.

„Въ театръ“.
(Смѣхъ Френды)
А. Сидоръ.

Арт. Крәстъ.

[illegible]

Восприятие и жизнь этой музыки совершенно палила сердца петроградцев, и в музыкальных кружках только и разговаривали, что о «Салтанте». Опера поставлена была режиссером Лопухиным, провинциальным много акул в осуществлении дубовито-летучего плана, продвигавшим самым существом такого театрального представления: Упрямому его милово было бы знать, что чрезвычайно ослепленным сценедействием, нисколько отталкивающим внимание слушателей от музыкальной красоты и притягивающим краску партитур. Истинное художественное пришествие являлись декораций и костюмов по рисункам Годовина и Корвинова. Состав артистов, так же, как и руководство музыкальной частью (находящимся в руках Коутса) не оставался желательным.

Кроме премьеры „Салтана“ состоялось еще возобновление безнадежно устаревшей „Гальки“ Монюшко и „Богемы“ нашего нового музыкального союзника, Пуччини.

[illegible]

была, выйдя со сцены, мешо-
спорно и т. д.), то, наконец,
настояло радикально реформи-
ровалась планировка от-
дельных сцен, что не было
возможности узнать знакомой
еще с детских лет. Вспомни-
те, например, «Фауст», «Го-
голь», «Борис», «Кармен»,
поставленную почему то в
современных костюмах).
Минус ряд новых постано-
вок, а хотя бы отменить
наиболее приземные из
них, «Семья» и «Шури-
нка». Очень удачно было
найден «Музыкальный Дра-
матический» между дра-
матической игрой артистов
и их вокальными исполне-
ниями. Сценическая обста-
новка, задуманная позво-
ляла, ведь исполнили «Тра-
гедию» (Московский Художес-
твенный Театр), проши-
нута была позолоченной дугой эпохи. Превосходно вел оркестра-
цию приглашенный дирижер Фигельберг.

Въ третьемъ сезоне театръ столицы, Народномъ Домѣ, новыхъ постановокъ не было. Возобновились были „Горе отъ ума“ М. Иллариона и „Финталова Нейста“ Курдюмова.

[illegible]

А. И. Зилота, абонементные концерты которого отличаются собой прочими симпатиями петроградцев, обратил свою энергию на устройство бесплатных народных концертов, поставивших уже на большую художественную высоту. Возобновление его директёрской деятельности предполагается осенью текущего года.

собой чувствительна въ эпоху, непосредственно следовавшую 1904—1905 годам. Какъ извѣстно, періодъ этотъ нечуждъ не богатой драматической литературѣ, а многихъ драматурговъ направляло по пути, ничто не имѣвшему общаго съ искусствомъ, а какою олею, басыла въ театрѣ писателя, измѣнившего въ немъ, положеніе своихъ образовъ, тогда былъ спасительный для дѣла. Конечно, трудно сейчасъ сказать, что дали въ Чеховъ на другой день послѣ революціи. Послѣднія его произведенія, въ томъ числѣ «Вишневый садъ», обнаруживаютъ иныиотый сдвигъ въ настроеніяхъ поэта. Прекрасный садъ вырубается, но на сѣмъ ему вырастаетъ иныиотое новое, можетъ быть не менѣе прекрасное для жизни. Во всякомъ случаѣ, не грубому Толстому было стрѣлилось обновленіемъ России. Она своими золотистыми руками только расчищаетъ мѣсто, но свѣтлую, просторную хоромую постройку вѣнчали рука Вери и «облавыи студентъ» Трофимовъ...

Другими послѣдствіями рои Чехова и его драмъ въ Художественномъ театрѣ были особые приемы сценической игры. Драматическое искусство имѣетъ свои опредѣленные законы, коимъ пьесы Чехова не отвѣчаютъ вовсе. Но, безъ сомнѣнія, Чеховъ, подобно Метерлику, имѣетъ въ обращеніе интереснѣйшія разнообразіи діалоговъ, коимъ Художественный театръ съ гениальнымъ пріоритетомъ подобралъ соотвѣствующія формы. Полученныя такимъ путемъ, комбинаціи создавали дѣйствительно необыкновенно гармоничное шѣе, ставшее скорѣе исключительной привилегіей театра. На театральномъ жаргонѣ появились даже спеціальныя выраженія. Говорили: «играть въ чеховскихъ тонахъ», «стандартъ пьесы съ чеховскими настроеніями» и т. д. Однако, при всѣхъ достиженьяхъ и новизнѣ такихъ приѣмовъ, они заключали въ себѣ иныиотую опасность для театра. Извѣстно, что въ житейской бытѣ, челоѣкъ, имѣющій успѣхъ какин-нибудь движеніемъ (жестомъ, манерой говорить, улыбкой), охотно повторяетъ эти движенія. Длительный успѣхъ ихъ заивиситъ уже отъ такта челоѣка, когда и гдѣ они используются. Эти простыя житейскія истины, не сомнѣясь, чувствъ Художественный театръ. Увлеченныя удачно найденной формулой, они стали прибѣгать къ безъ разбора, къ Чехову однакоже, какъ къ Островскому, къ Тургеневу, какъ къ Гоголю. Отсюда цѣлый рядъ тактическихъ ошибокъ, безспорно отразившихся на успѣхахъ театра.

Эти положенія необходимо было выискивать, чтобы опредѣленно представить себѣ роль театра во второмъ періодѣ его дѣятельности, послѣ смерти Чехова. Передъ театромъ тогда впервые всталъ сакраментальный вопросъ: что дѣлать дальше, куда направлять свою энергію? Остаться на одномъ мѣстѣ невозможно. За свою пытливую работу театръ создалъ опредѣленное міросозрѣніе. Ему вѣрять на слово, какъ вѣрять созданной байкирской фирмѣ, могущей во всякое время уплатить любую сумму. Все стало доступно такому увѣренію: онъ вѣнчаетъ на каменные театры въ Россіи, на театры иностранныя за границей. Въ числѣ послѣдователей его называютъ Антуана, Рейнгарта и т. д. Положеніе всегда обмѣлчало. Тѣмъ не менѣе, новый репертуаръ еще не дается театру въ руки. Пробуютъ классиковъ. Къ нимъ приходятъ отчасти изъ самолюбія: какъ такъ, образцовый театръ, россійскій Олеи, и безъ классическихъ писателей на фронтонѣ? Затѣмъ классики могутъ пригодиться еще въ другомъ смыслѣ. Устами великихъ старцевъ можно иногда изыскать то, что обыкновенно запрещается менѣйшимъ богамъ. Но попытка эти въ обществѣ неудачны. Театру опредѣленно измѣнились остатки прежнихъ ширинъ, насыщенныхъ Чехова. Его тона, примѣняемые къ Грибоедову и Гоголю, не даютъ прежняго успѣха. Это вполне понятно. Классические писатели тѣмъ и исключительны, что вовсе не нуждаются въ арсеналѣ вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ для другого сорта литературы, во вкусъ Чехова или Метерлика. Затѣмъ все до чрезвычайности просто, почти примитивно. Мысли воплощаются въ образѣ съ исключительной полнотой, итъ лишняго слова, жеста. Воля режиссера, какъ въ корсетѣ. Онъ не въ со-

стояніи сдѣлать побочнаго движенія, не извратить основной гармоніи произведенія. Но зато требуется иныиотое, — измѣненіи основныиотыхъ авторомъ его истолкованій, актеровъ. Въ этомъ отношеніи привнесла ему огромную пользу. Театръ началъ съ того, что рѣшился, конечно, хорошая вещь, но важнѣе таланта дисциплинированности. Талантъ актера, цементъ, который скрѣпляетъ отдаленныя части театральной конструкции и создаетъ спектакль. Классики нѣсколько повелевали увѣженіе. Въ «Юліи Цезарѣ» всѣ составные элементы театра были на аини, но не было Шекспира. То же самое можно сказать о «Доре отъ ума», о «Борисѣ Годуновѣ» и о «Сигурнѣ». Понятно, что огромная часть была только относительной. Всякій, видѣвшій эти постановки, сознаетъ, что рядомъ съ минусами, театръ далъ русскому искусству и очень большыиоты плюсы. Главная же его заслуга заключалась въ томъ, что онъ словно спрыснулъ забытые шѣты россійской драматургіи жезель жадности. О литературномъ значеніи этихъ произведеній являясь жадности, слово оно повиналось втора, а не сто дѣтъ казалъ, сегомого повелевалось по случаю откритыиоты или откритыиоты сегомо.

Такъ или иначе, но съ повелеваніемъ классическимъ пьесамъ, въ Художественномъ театрѣ появляю новыиоты духомъ; явился актеръ и иныиоты съ нимъ стали возможными новыиоты достиженія. Въ списываемую эпоху это представлялось тѣмъ болѣе важнымъ, что на сѣмъ боюрахъ настроеній начала новаго столѣтія, въ послѣ-революціонный періодъ, наступили разочарованіе и аини. Увлеченное общество искало выхода въ сверхъестественномъ мірѣ, увлекалось мистикой и религиозными вопросами. Являясь настоятельнымъ тѣмъ въ трагическомъ жанрѣ Театра, чуждыиоты во всякомъ общественномъ движеніи, не могъ остаться равнодушнымъ и къ данному моменту. Выборъ, правда, у него былъ не большой. Русская жизнь, обаянная трагическими сюжетами, конечно, однако, не давала русскимъ авторамъ достаточнаго спокойствія, чтобы вознестись до холода-ныхъ вершинъ трагедіи. Послѣдняя была у насъ подражаніемъ («Сумероки», «Княжичи») или патристической («Олеи», «Кровь»). Только за послѣднее время русскіе писатели нѣсколько болѣе повинулись въ этомъ жанрѣ, но эти произведенія ихъ страдаютъ другимъ недостаткомъ — отсутствіемъ сценичности. Изъ русскихъ трагиковъ привлекалъ вниманіе Художественнаго театра Л. Андреевъ, потому что трагика соедалъ оаказки С. Юженкина («Miserere»). Отсутствіе пьесъ подобнаго рода вынудило театръ обратиться къ передѣлкѣ романовъ. Такимъ образомъ выступили Достоевскій съ «Карамазовыми» и «Бѣсыми». Одновременно дѣлались попытки вернуть публикѣ къ Чеховскимъ настроеніямъ и ставить Тургенева. Но это не удалось театру. Несмотря на много родственныхъ чертъ въ творчествѣ обоихъ поэтовъ, Тургеневъ жалостливъ, разсудочнѣе Чехова, да и время уже не то. Зрители больше не тотъ, что ходилъ на Чехова. Онъ жаждетъ чего-то иного, чего? Онъ самъ болѣею частью не знаетъ.

Въ этой неопредѣленности позорный публики кроется отчасти колебленье настроенія Художественнаго театра. Нельзя сказать, чтобы онъ не искалъ пьесъ. Онъ въ вѣнчальныхъ поискахъ, но выбранныя пьесы оставляютъ холодной аудиторию. Итъ этого, разумеется, не сдѣлается, чтобы театръ, какъ думаютъ иныиоты, доивалъ свою пѣснь. Пускай, кто въ этомъ сомнѣвается, заидетъ въ Студію театра. Въ свѣтлѣхъ зеленіи юного, расцвѣтающаго учрежденія, онъ увидитъ, какіе сонъ еще питаютъ Московскую хоромую. У Художественнаго театра есть два огромныхъ преимущества передъ остальными театральными собраніи: онъ самостоятеленъ и искрененъ. Быть можетъ, не всегда достоинство картины соотвѣтствуетъ еѣ богатой рамѣ, или, наоборотъ, часто рама уступаетъ картинѣ, но безспорно одно: къ чему бы ни приискусился театръ, къ пѣлкому или малому, безразлично, онъ даетъ ему максимумъ своего сценическаго опыта и любви къ дѣлу. А съ такимъ багажомъ будущее, конечно, не страшное!

Диг.

Памятникъ—однакъ изъ красивѣйшихъ въ мірѣ—Азеландъ Ристори (Италіа).

СОБРАНИЕ РУССКАГО ФАРФОРА ВЪ МУЗЕЕ БАРОНА ШТИГЛИЦА.

Среди цѣлѣхъ художественныхъ коллекцій Музея барона Штиглица, особое мѣсто занимаетъ обширный керамическій отдѣлъ. Помимо удивительныхъ по красотѣ вещей по арабской, персидской, китайской и японской керамикѣ, музей обладаетъ обширными сравненіемъ европейскаго и русскаго фарфора, занимающимъ 26 витринъ, изъ которыхъ 15 наполнены фарфоромъ русскаго фарфора, начиная съ эпохи Императрицы Елизаветы.

Какъ извѣстно, еще Великій Петръ, сознавая всю важность и необходимость пріобрѣтѣнія художественнаго образованія и техники, обратилъ вниманіе и на фарфоровое производство и съ этою цѣлью былъ даже заключенъ контрактъ съ «порцелановыхъ дѣлъ мастеровъ» Эггебрехтовъ, пріѣхавшихъ въ 1718 году въ Петербургъ. Къ содѣланію выискавъ, свѣдѣній о томъ,

что могъ изготовить кромѣ посуды и небольшихъ фигуръ въ родѣ «малышка-кучера»; въ немъ уже сдѣлано тұнстуетъ русское алмазе, какъ въ трактовкахъ тѣла, такъ разны и въ выработкахъ до мелочей русскому охлѣванію; исполнена эта фигурка еще по деревяной модели.

Въ царствованіе Екатерины II, удѣлившей большое вниманіе Фарфоровому Заводу, работы его достигаютъ высокаго совершенства. Рядъ ученыхъ послѣдствіемъ изъ Академіи Художествъ на Фарфоровый Заводъ для обученія этой отрасли прикладнаго художества, а академическіе профессора поручается изготовленіе моделей для работы завода. Такъ, группа «Зима» исполнена по модели бывшаго академическаго профессора Рашетта. Замѣтитесь позѣ, свободныя движенія, полная грація,

„Продавщица духовъ“.

Заводъ Погова (съ 1806 г. до конца 70 годовъ минувшаго вѣка).

„Русскій юноша“.
Императорскій Фарфоровый заводъ. Эпоха Александръ I.

тѣлности этого мастера въ Россіи пока не извѣстна.

Сказуемая попытка къ насажденію фарфороваго производства въ Россіи, увѣнчавшаяся неудачею Императорскаго Фарфороваго Завода, относится къ царствованію Императрицы Елизаветы, при которой былъ вывѣшенъ, въ 1744 году изъ С.-Петербурга, мастеръ Христофоръ — Копальтъ Гунгеръ. Однако онъ оказался мало связаннымъ въ своей спеціальности и потому, несмотра на всю тѣлесность, которой онъ себя окружалъ, нѣтъ его работы оказались нигде не годными и въ 1748 году онъ былъ уволенъ отъ должности. Но если Гунгеръ самъ и не сумѣлъ оправдать возлагавшихся на него надеждъ, то пребываніе его въ Россіи все же оказало существенную пользу дѣлу фарфороваго производства, образовавъ такого искуснаго мастера, какому выписанъ его помощникъ Д. И. Виноградовъ. Прикомандированный къ иностранному мастеру въ качествѣ переводчика, Виноградовъ сумѣлъ получить отъ него все какіе спеціальныя свѣдѣнія, а пріобрѣтенныя имъ въ бытность заграничникомъ, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, познания въ горномъ и металлургическомъ дѣлѣ, дали ему возможность аскоръ преподавти своего учителя, и съ 1746 года Виноградовъ уже фактически ведетъ нѣтъ дѣла только что учрежденной «порцеланной фабрики».

Конечно, первое время, какъ въ послѣдствіи, такъ и въ отдѣльныхъ фигуркахъ плавно еще полное изображеніе изданныхъ образцовъ, но уже къ концу царствованія Елизаветы Фарфоровый заводъ дѣлается охватываеъ техникой,

„Зима“.

Группа изготовлена по модели проф. Рашетта Императорскимъ Фарфоровымъ заводомъ. Эпоха Екатерины II.

привадаютъ этой вещи особую цѣльность и она мало чѣмъ уступаетъ лучшимъ французскимъ образцамъ.

Наряду съ работами по изданнымъ образцамъ, появляются и національное направленіе, выраженное въ фарфоровомъ производствѣ исполненіемъ серіи фигуръ различныхъ народностей Россіи — «Маймистика — баба чухонка», «баба татарская» и «баба эстляндская» — привезены какъ образцы подобныя, этнографическіе сюжетовъ. Всѣ онѣ точно воспроизводятъ детали костюма; что же касается лица, то оно нѣсколько однообразно, условно — красиво и мало экспрессивно.

Пробудившіяся въ началѣ XIX столѣтія національныя творческія силы сказались и въ русскомъ искусствѣ, получившемъ болѣе національное направленіе, хотя и въ псевдо-классическомъ стилѣ времени Имперіи. Это національное направленіе конечно должно было отразиться и на фарфоровыхъ издѣліяхъ, моделяхъ для которыхъ часто изготовлялись профессорами скульптуры. Дѣйствительно, «Деревенскій пріемъ», одѣтый въ большіе, реалистиче въ синюю кубовую рубашку, все же болѣе похожъ на какого нибудь Мухоморова, чѣмъ на русскаго юношу. Но дѣломъ не исполненъ по модели гр. Таватого — этого классика до мозга костей.

Памятникомъ николаевской эпохи является фигурка «Нимфы, лежащей на волнѣ». При видѣ ея, нѣсколько приходится къ голове сопоставляеъ съ черепицей древности. Императорскаго Эрмитажа, среди которыхъ встрѣчаются довольно банальныя сюжеты, вродѣ напри-

„Маймистика-чухонская баба“.

„Баба татарская“.

„Баба эстляндская“.

Императорскій Фарфоровый заводъ. Эпоха Екатерины II.

„Ленащан одалиска“.
Заводъ Миллашевскаго
1839—1851 гг.

мѣръ извѣстнаго „Ликноа съ голо-
вой сфинкса“.

Однимъ изъ первыхъ частныхъ фарфоровыхъ заводовъ были осно-
ваны англійскимъ купцомъ Гарне-
ромъ въ 1750 годахъ въ Дмитров-
скомъ уѣздѣ, Московской губер-
ніи. Издавна его были долгое время
въ большой модѣ. Возраставшіи
спросы на фарфоръ повлекъ за со-
бой открытіе еще цѣлаго ряда боль-
шихъ и малыхъ заводовъ, какъ то:
Попова, Поскочина, Миллашев-
скаго, Сафронова, Фомина, Сипи-
гина и другихъ. Одно время увле-
ченіе фарфоровъ достигло такой
силы, что собственной фарфоровой
заводъ сдѣлался необходимой при-
надлежностью богатыхъ дворян-
скихъ усадебъ, наряду съ своимъ

„Венера съ голубями и амуронъ“.
Заводъ Гарднера (съ 1754 г. по настоящее время).

Кто то сказалъ.

— Мы перенимали время седьмого оберъ-топа...

Большинство не поняло и горьковатый сталъ объяснять, что
это такое. Потомъ говорилъ объ одинадцатомъ и тринадцатомъ
оберъ-топахъ у Скарбина, о четвертомъ имперіи въ музыкѣ, о
новомъ министрѣ, о коннозаводствѣ, о дирекціи Императорскихъ
театровъ, о пьесѣ Мерзиковскаго „Радость“, которую ставитъ
Художественный театръ, о „Свержѣ на пачи“, о статьѣ Нике-
рагуза, за которую закрыли „Русское Звено“, о многотомномъ романѣ
„Жанъ-Кристофъ“ француза Роллана, въ которомъ дѣйствующимъ
лицомъ является имяемъ и за который Роллану собираются дать
Нобелевскую премію...

Когда наступила пауза, кто то другой сказалъ.

— А я купилъ вчера нѣсколько шкуръ „Зимней компаніи“
„Spacks Company Ltd.“... говорятъ поразительно вытѣльное дѣло...
Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда въ англійскомъ Конгсѣ стали устраи-
вать плантаціи лаучука, оказалось, что золотина рабочихъ гибнеть
отъ удивительныхъ змѣй. Англійское правительство назначило тогда
премію за всякую голову змѣй хвостѣйшихъ породъ... Черезъ
два года выяснилось, что количество змѣиныхъ головъ доста-
вляемыхъ въ англійскіе, быстро растетъ, вѣсто того, чтобы умень-
шиться... Послани изъ Англіи спеціалистами исследовать, въ чемъ
дѣло? И что же? Оказалось, что кѣіе то предприимчивые
джентльмены устроили разселеніица для разведения этихъ змѣй и
получали громадные барыши отъ премій! Не нашлось закона,
по которому можно было бы закрыть такое предпріятіе и присвоить
отвѣтств. премію... Джентльмены быстро приспособились къ „усло-
віямъ рынка“ и стали продавать змѣиную кожу на кошечки,

„Нимфа, лежавшая на волнѣ“.
Императорскій Фарфоровый заводъ.
Эпоха Николая I.

театромъ или оркестромъ и къ
1817 году число фабрикъ возрасло
до 45.

Во второй половинѣ минувшаго
вѣка, въ виду возраставшей по-
требности, число заводовъ значи-
тельно увеличилось, но, въ боль-
шинствѣ случаевъ, работы ихъ
предсказуемо уже исключительно
утилитарныя ибы и мѣлыя старин-
ныя фарфоровыя кузлы, которыми
такъ гордились акробаты, уступаютъ
популярно мѣсто проламываемъ чап-
камъ и мѣскамъ.

С. К.

Скульптура фарфоровыхъ фигуръ
Музея Штеглица любезно сообщила его
эскизы, В. К. Кирпичниковъ.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

нессесеры, дамскія сумочки и прочее. Доходъ предпріятія почти
не уменьшился... По соглашенію съ парижскими нормами пред-
полагалось ввезти эту кожу въ отапливаемыя платья въ выдѣланныхъ
сезонѣ, но, къ сожалѣнію, помѣшала война...

Говорили о какомъ то американскомъ автомобилѣ, о томъ, что
всѣ автомобильныя фабрики міра уже запропади все свое прои-
зводство чуть не на годъ впередъ.

— Нѣтъ, это скверная машина... Въ Америкѣ есть только три
марки милитардерскихъ автомобилей, имену три Р*, какъ говорятъ
инки— „Pietee-Aptow“, „Paskati“ и „Peebles“... Только три Р*,
какъ у англичанъ табачныя трубки только три В*...

— А вы были, оказывается, въ Америкѣ?
— Да, была.
— Вы точно не русская, не ботесъ, значить, моря...
— Развѣ русскія непремѣнно ботесъ моря?
— Еще бы! это прѣдѣльное отнѣи русскихъ дамъ... Мнѣ ве-
дливо разсказывали, какъ русская семья базилъ въ Пасермо, Пе-
рестоя изъ Реджо въ Мессину, всего 20 минутъ на ferry boat,
и уже трислѣи въ заливѣскіе лократыи отъ морской болѣзни, я
уже трислѣи въ Пасермо, случилась болѣзнь землетрясеніе...
Помните, ятъ семь назадъ? Такъ она пять мѣсяцевъ просидѣла въ
Пасермо, пока была отстроена желѣзная дорога, лишь бы не лѣзть
10 часовъ на пароходѣ въ Неаполѣ!

— А я знаю даму, которая ждала, когда будетъ построена
мостъ черезъ Атлантическій океанъ, чтобы поѣхать въ Америку
Маркъ Твѣи совсѣмъ не преувеличиваетъ, рисуя такіе типы. На

... Вчера мы вспоминали двух наших профессоров. Один читал минералогию; другой — двойную бухгалтерию.

Первый доклад из своего предмета я бы что настояло мудрое, что никто ничего на лекциях не понимал. Студенты раз курьеза на лекции пригласили университетского профессора высшей математики.

Профессор просидел два часа и когда вышел из аудитории, чистосердечно сознался:

Дохода в своей лекции до самого трудного места, до какой-нибудь теории рациональности параметров при кристаллизации минералов, профессор говорил обыкновенно:

«Ну, дальше все в высшей степени понятно!»

Ему самому все казалось так понятно, что он не допускал мыслей, что это может быть непонятно другим. Один из студентов поднимал эту черточку и на экзамене, дойдя до труднейшего места, в котором сам ничего не понимал, самоуверенно записывал, глядя прямо в лицо профессору.

— Ну, давайте все в высшей степени понятно! —
Профессор поставил ему 5.

Лекторы по бухгалтерии сумели облечь свою сухую науку
в такую общепонятную форму, такую наглядную, что все сту-
денты буквально, без исключения, поняли, что такое двойная бух-
галтерия.

Вместо того, чтобы закидывать своих слушателей мудрыми словами—дебеть, кредит, лор, ностро, сельдо—он говорил так: (речь шла о сельскохозяйственной бухгалтерии, как известно, одной из самых трудных):

Вот! Наше движение, бодрое покое... Вышедя, я поле изаб-
богавсь пугатым капиталом (профессора сжился и погнался,
почему "добавилось и почему" пугатым?), такт вышла я поше-
"Капитал". Вот! этому капиталу мы отводим две страници ва-
вашей книги— абыну и правую. Капиталъ рѣшилъ дать часть се-
оному полю. Отводимъ две страници, абыну и правую— оному
полю. Часть рѣшилъ дать инокоренному злоуду— отводимъ
две страници инокоренному злоуду. И такъ даље...

Когда все это представлялось в представление студентов, профессор продолжал:

«Теперь у нас есть шпаль ряд, скажем, лишь, из которых каждому отведены две страницы — левая и правая. Какие бы хозяйственные мероприятия ни производились, теперь из них всегда одно из этих двух будет что-нибудь брать у другого, а второе — отдавать. И так будет продолжаться до тех пор, пока одному не останется к тому, что брать, — тому левому. Чтобы на совершение из мыслей, оно должно быть отгнано цифрой, на какую-то двух страниц. На одной странице слева, на другой — справа. Если вы будете поступать таким образом, то сумма всех левых страниц всегда неизбежно будет равняться сумме всех правых. И если правых страниц не будет, то левых останется и сумма правых, то значит, все сказано бухгалтерией вконец. Вот так и все, что нам двояная бухгалтерия!»

Венеция!.. Луна... безшумная гондола
У мраморных ступень старинного дворца.
Над сонною водой—канцона, баркаролла...
На голос мы плывем незримого пловца.

Случайный спутник мой, веселый и красивый,
Съ улыбкой мнѣ сказалъ: „Здѣсь хорошо вдвоемъ!“,
Зачѣмъ нарушилъ онъ покой мой горделивый?
Зачѣмъ былая страсть въ душѣ зажглась огнемъ?

Зачѣмъ забыла я всю прелесть южной ночи
И унеслась къ тебѣ я силой прежнихъ чаръ?
Мнѣ вспомнились твои тоскующія очи,—
А сладкій голосъ пѣлъ вдали: „Vorrei baciare“...

Заброшена сюда капризною судьбою,
Мечтой погружена въ красу былыхъ временъ,
Плѣвилась моремъ я и далью голубою;
Мнѣ снился наяву какой-то дивный сонъ.

„Здѣсь хорошо вдвоемъ!“... Тоска мнѣ сердце сжала.
Волшебной сказкой спяль завороченный міръ.
Но греза таяла, тоска же нарастала,
А сладкій голосъ пѣлъ вдали: „Voffrei morir!“...

Ан. Волынецко.

Въ описаніи колекціи А. А. Журавлева въ № 35 есть опечатки:
 Агаййскіе чумы Чингизиды названы Чингизиды. — На камнѣхъ въ стѣновѣ
 нны Императорскаго Вѣскаго завода — камнѣхъ Болесенскаго Вѣскаго завода.
 Памѣ въ стѣновѣ не Доминико дель Памѣ — а Доминико Памѣ. Въ датъ чумы
 съ зѣблемомъ Верзисъ — голова Алоисава въ мастикѣ — принадлежаніе этому
 двору въ время Louis XVI, а не съ зѣблемъ Marie Antoinette.

(Ка столетия со дня его рождения).

Господствовавшее в Академии Художеств почти до половины прошлого века убеждение, что только «важное и великое» может быть предметом искусства, и потому оказавший особое покровительство бытийским, многозначным и историческим сюжетам, конечно, не могло способствовать развитию русской бытовой живописи. Русский жанр зародился не в академическом

Достоинством преемников его в этом «приятном роде живописи», как писалось прежде, является Павел Андреевич Водотов.

Подписал Федотов 22 июня 1815 г. в Москве и по окончании оного кадетского корпуса, в 1833 г. вышел в газету. Позднее ушел отсюда. Вообще он был богато одаренной поэтической натурой: он пел, играл на гитаре, занимался поэзией, поэме ставшей иероглифичной. Будучи офицером Л. Г. Финляндского полка, Федотов все свободное время отдавал любимому искусству, рисуя портреты товарищей, делясь наброски и акварели. Особо удачными выходили у него акварельные портреты Великого Князя Михаила Павловича, которых он написал до 20.

После вечерней росписали академические классы, Федотов все больше и больше отдавался своему искусству и сентименту, с которыми отнесся знаменитый Карл Брюклов к увлечению 25-летнего гвардейского офицера искусством, не охлаждая художественного пыла Федотова.

Через 10 лет по вступлении Федотова в полк, ему было разрешено оставить военную службу и посвятить себя живописи, причем, по желанию к его затруднительному положению, было даровано содержание по 100 руб. ассигновками.

Задумав, сначала, посвятить себя батальонской живописи, как близко знакомого ему сюжета по прежней полковой службе, Федотов написал несколько картин из Казарменной жизни. "Приезд старослужащего в казармы Финляндского полка", и начал было изучать под руководством академического профессора А. Зауершля, скелет и мускулатуру лошади. Но Федотов не мог долго довольствоваться изображением исключительно военной жизни и под влиянием полученного от И. Крылова письма, в котором известный живописец ублажал Федотова заданьем бытовой живописью, он с удвоенной энергией занялся живописью, к которому всегда имел тяготение.

О том, как добросовестно трудился Федотов, выписывая и изучая самые мелкие подробности можно судить по одной из первых его вещей "Утро чиновника, получившего орден", которую он писал 9 месяцев. Вслед за этой, через несколько месяцев была готова и другая —

"Разборчивая невеста". Обе эти картины были им представлены в 1848 г. на суд Академии Художеств, которая настолько сочувственно отнеслась к работам Федотова, что, признав его назначенным в академика, предоставила ему право выбирать самому сюжет для программы на звание академика. Это была уже мечта им известная картина "Светозор майора".

Выставленная в 1849 г. вместе с другими картинами она настолько понравилась и художникам и публике, что имя Федотова стало сразу известным и он был назначен академиком.

Приехав, по семейным делам в Москву, он устроил здесь выставку своих произведений.

Узнав его в Москве, был еще большим, чем в столицах.

Федотовым значительность отрывая от прежней сферы и делаясь рыхлой работой, так сказать, выходя из пределов страсти живописи, к которой он был так привык, криссы, и красота, трюки. Если раньше на Федотова сильно влияли Гегель, то теперь он начал отдавать предпочтение Вильям, этому тонкому комментатору сатиры, выходящему к красоте. Результатом этого полного направления в творчестве Федотова оказалась в 1850-1851 г. картина "Возвращение", с простыми трогательными сюжетами. В этом же роде должна была быть и другая задуманная им картина, посвященная институтской жизни. Несмотря на успех, такая действительность — отсутствие материальных средств, с которой приходилось всю жизнь бороться Федотову, аннала себя жить все острее, и заставляла его думать по несколько копий, отводящая его от творческой работы. Все это ложилось на него тяжелым бременем и из остроумного веселого собеседника Федотов обратился мало по малу в меланхолика. Это было уже начало его психической болезни, которая начала быстро прогрессировать и вскоре Федотову должны были поместить в лечебницу для умалишенных.

14 ноября 1852 г. Федотов скончался на руках своего друга Коршунова.

„Только поправить у Добби хвост... и завтра с ним на войну!“

Из "Ladies Pictorial".

„Город сыр“. Алматы (ны Голландия). Город славится чистотой и сырью: все алмаматы занимаются или сырьем (предоставлено) или сырной торговлей, городская площадь завалена сыром, воздух насыщен сырью (предоставлено).

Фот. арх. Ladies Pictorial.

Борь бор. в сн. жер., роа. 1908 г., аааааааа М. П. Петровъ, зав. кн. Л. Д. Вяземского, отъ Вильбуриа-М. и Билл. Побдатель приза Е. И. В. Государя Императора Николая II въ рбзньотъ 4 пер-6 33—48 с. Святъ послѣ розигрыша приза 6-го маа 1915 г.
Среди присутствующих: В. М. Брайловскій, М. П. Петровъ, наааааааа П. Блгавевъ 2-й и друг.

ПЪСЕНКА СЪ МОРАЛЮЮ.

Я пась прошу: позвольте мнѣ
Сыграть вамъ на одной струнѣ
(Какъ можно покороче!)
О звѣздочекъ, о веснѣ,
О звѣздочетовой женѣ,
О звѣздахъ и о прочемъ!..

Сказъ за пазышными сѣтлалъ,
Бѣсъ гора и хлопотъ,
Въ высокой башнѣ жила да была
Почтенный звѣздочетъ.
Онъ часто ночью, второняхъ,
Ловилъ кометинъ хвостъ...
И былъ "своимъ" онъ въ облакахъ,
Среди кометъ и звѣздъ.
Онъ былъ ученъ и очень мудръ.
Но... кутить аю зротъ!..
И, вотъ, въ одно изъ весннихъ утръ—
Женился звѣздочетъ!..

У звѣздочетовой жены
Гала, что пара звѣздъ,
Лицо, какъ томный лискъ Луны,
А страсть—кометинъ хвостъ!
Она—бѣдина, она—грустная,
У ней клубовенный видъ,
А звѣздочетъ всю ночь, спозна,
За... звѣздами сѣдлалъ!..
И грустно, жалко въ весноу,
Гуляя на лугу,
Она, съ особенной тоской,
Смотрѣла на лугу.
Былъ неадабный тотъ слуга!..
Но, все-же, какъ-то разъ,
Воскнажуау, нурутъ, сауга:— "Ага!"
И... кончень мой расказъ!..

Откуда выводъ-же такой:
Коль мужень стать принасъ,
Смотри ты лучше за женой,
А звѣзда—бросъ!

Н. Аглицева.

СРЕДИ КНИГЪ.

СМЕРТЬ ЗЕМЛИ.

Французскій профессоръ Альфредъ Берже написалъ недавно брошюру "Смерть земли". Это не конецъ міра, а именно смерти земли, потому что міръ ученые понимаютъ гораздо шире, чѣмъ только одна наша крошечная земля.

Въ этой научной фантазіи мелькаютъ толковужителыныя цифры—милліоны, биліоны и даже триаіоны лѣтъ.

Смерть земли наступитъ отъ холода, какъ это давно оредѣлено. Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрее земля будетъ охлаждаться. Подъ вліяніемъ постоянно происходящихъ на нашей планетѣ химическихъ процессовъ, количество углекислоты въ воздухѣ будетъ все увеличиваться. Углекислота предохраняетъ землю отъ охлаждения: она окутываетъ нашу планету, какъ бы шубой и по мірѣ накопленія въ воздухѣ этого газа шуба все будетъ дѣлаться теплѣй и теплѣй. Одновременно будетъ увеличиваться количество водяныхъ паровъ. На землѣ станутъ плодородными тѣ сухіе пустыни, въ которыхъ теперь ничего не растетъ. Вся земля станетъ вообще плодороднѣе и богаче растительностью. Но это будетъ послѣдней яркой вспышкой жизни на нашей планетѣ.

По подсчету ученыхъ, человечеству еще останется около шести милліоновъ лѣтъ существованія. Къ концу этого срока всякая жизнь должна исчезнуть и уадесть на съ этого времени человеческому разуму передать свои записки на другіе планеты—оставить неразрѣшенный вопросъ...

Жизнь на землѣ погаснетъ. Земля будетъ все охлаждаться болѣе и болѣе, и наконецъ температура станетъ такой, при которой азотъ и кислородъ дѣлаются жидкими. Тогда галакую поверхность нашей планеты снова покроютъ жидкіе океаны—океаны азота и кислорода вместо воды.

Къ тому времени и солнце охладится настолько, что будетъ таять уже коптеищя лампой. Оно почти не будетъ посылать никакихъ лучей на умирающую землю. Океаны газовъ тоже замерзнутъ и вся наша солнечная система погрузится въ холодный ледъ.

Совсем со своими планетами все такъ будетъ продолжаться, пока въ звѣздѣ Вегѣ и черезъ сто тысячъ миллиардовъ лѣтъ вся наша солнечная система упадетъ, наконецъ, на Вегу.

По мнѣнью Берге, отъ этого столкновенья разовьются такія энергiи, такое количество теплоты, что вновь образованная планетная система опять окажется жиющей на миллиарды лѣтъ. Это будетъ „дискретное совмѣщенное міра“. Часы вѣчности сбѣгутъ еще одинъ кругъ...

В. Л. К.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ДОЛГОРУКОЙ (СХИМОНАХИНИ НЕКТАРИИ).

Яркая красота ее души и твердость характера послужили предметомъ восхищенiя поэту славянъ И. И. Козлову, написавшему поэму ее жизни. Ее же воспеваля въ одной изъ думъ К. Ф. Рыбникова.

Судьба этой женщины была необыкновенна.

...Ея радость можно силася,

Когда въздыхаю при дворѣ

Въ семидеять лѣтъ ова явилася*.

Она была дочерью фельдмаршала — графа Бориса Шереметева, — племянн. гдѣзца Петрава, — сподвижника и друга Петра Великаго. Она была женою красавицы ки И. А. Долгорукаго, сестра котораго была невѣстою княго императора Петра II. Вотъ ее разсказъ о своемъ брачномъ сговорѣ.

„Между тѣмъ началось у насъ приготовленiе къ нашему сговору. Праздну могу сказать, рѣдко кому случалось видѣть такое знатное собранiе: въ императорскія фамиліи, всѣ чужестранныя министры, всѣ наши знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ свѣтское, столько было гостей, сколько выпить могли помѣститъ обѣять персони, не было ни одной комнаты, гдѣ бы не было было людей... Послѣ обреченiя всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриллантовыми серьгами, часами, табакерками, готовальнями и всякою галантереею; мои бѣ руки не могли всего забрать, когда бѣ могъ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми мы обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой въ шесть тысячъ. Напротивъ я мой братъ жениха моего дарила: шесть пудовъ серебра, старинные великие кубки и фляги золотые... О прочиѣхъ всѣхъ сговорныхъ церемонiяхъ яла веселѣть улоучу, жоншнее мое состояніе и знаніе

то запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете издумать ничего не было упущено*.

Записки эти писались уже тогда, когда княгиня Н. Б. Долгорукая стала схимонахиней Нектаріей; отсюда и суровая сдержанность ее описанiй свѣтской жизни того времени.

Высвѣтло, умираетъ императора Петра II. Надъ всѣми Долгорукими разразилась яростная буря бирюзовицъ. Молодую невесту угоняливать взять свое согласіе назаздъ, избрать себѣ иного жениха...

„Я такому безсознательному совѣту согласіе не могла; я такъ положила свое намѣреніе, когда отдавъ сердце одному, жить или умереть вмѣстѣ, а другому ужъ нѣтъ участіи въ моей любви... Я не имѣла такой привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра другого; въ повѣнчанiи я была мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ заморочкахъ я была своему мужу товарищи, и теперь скажу смело правду, что, будучи но всѣмъ бѣдѣ, никогда не раскисывалась, для чего и за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу*...“

Мужа княгини, И. А. Долгорукова, сослани въ г. Березово. Она поѣхала вмѣстѣ и, чѣмъ мрачнѣе была ее дѣлаишная судьба, тѣмъ ярче становится чистота ее души и огонь чувства въ любимому человеку...

...Опоминася въ я клятвѣ, какъ въ чужаѣ; лежу на постелѣ и мнужу мой нѣзю мою стоить, за руку держати, пожать смерти даятъ, я исконная съ постелѣ, бѣгу въ перѣзъ, думаю, еще хотя разъ увижу — нѣмѣ мѣста тою знатъ: разошъ упался. Тогда я потеряла всего жемучью, которое у меня въ рукѣ; зная я его въ воду опустила, когда я съ своимъ прощаслась; да мнѣ что и не жалъ было, не до него; живи, трагитася...“

На другой день случился великій вѣтеръ, бури на рѣкѣ, громъ, молніи: гораздо звонче на водахъ, нежели на землѣ, а я съ природы грому боюсь. Судно вертѣтъ съ боку на бокъ; какъ громъ гремятъ, то и попадають люди... Какъ скоро разсѣло, вѣтеръ утихал, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали волномъ: когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошками въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда плакать могу, вода очень близка; а иногда купало острѣе, и на веревку его: онъ со мною радомъ плавать, чтобы не одна я невольница была и сестра со мною*...“

Эти записки — первый въ вѣщеніи памятникъ далекаго прошлаго, дошедшій не искаженнымъ до современности.

За этою книжицею — страдальцею — почти черезъ столѣтіе — послѣдуютъ въ Сибирь за мужьями-декабристами другія героини долга, — княгини: Волконская, Трубецкая...

Хорошо изданная книжица снабжена портретами княгини-автора и ее супруги и иллюстраціями старинными поздравленіями 20-го годовъ прошлаго столѣтія. Записки эти переизданы съ изданiи 1810 года.

Вас. К.

Редакторъ-издатель Ва. Крымовъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ **ВЛ. КРЫМОВЪ.** (ДОПОЛНЕННОЕ) О РУССКЪХЪ МОНТЕ-КАРЛО, ИСТОРИИ АМЕРИКИ, ГАСТРОНОМИИ, МОДАХЪ И **О ПРОЧЕМЪ.**

О Монте-Карло и играхъ... О америкѣ, портреты, гастрономіи и другое... Издъ похвалы въ Юж. Америкѣ... Издъ похвалы въ Сев. Америкѣ и во Зап. Европѣ... Книжечка гравирована.

Выписки изъ некоторыхъ „Столицъ и Уездовъ“ переписаны бесплатно.

НОВАЯ КНИГА: **ВЛ. КРЫМОВЪ.** (5-6 тысячъ).

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ странѣ землетрясеній... Газета и реклама... По Вост. Индiи... Въ Панама... Въ странѣ любви и землетрясеній... Книжечка гравирована.

КНИГА СО СЛАДА ВСЯ разошлась.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Петроградское Общество поощренiя рыскаго коннозаводства.

БЪГА НА СЕМЕНОВСКОМЪ ПЛАЦУ. ОСЕННИЙ СЕЗОНЪ 1915 ГОДА.

АВГУСТЪ 30 (пр. „въ память ки Л. П. Нелецкого“) и 29 (пр. „въ память ки Л. П. Нелецкого“);
СЕНТЯБРЬ 1 (дождь), 3 (въ Петербургѣ), 13 (въ Петербургѣ) и „въ память ки Л. П. Нелецкого“; 16 (въ Петербургѣ), 17 (дождь), 17, 20 (пр. „въ честь К. Л. Ваксера“);
ОКТОБРЬ 1 (дождь), 22 (дождь), 24, 26 (интернациональнiй); 27 (пр. „въ честь К. Л. Ваксера“); 28 (дождь), 29 (дождь), 30 (дождь);
НОВЕБРЬ 1 (дождь), 2 (дождь), 3 (дождь), 4 (дождь), 5 (дождь), 6 (дождь), 7 (дождь), 8 (дождь), 9 (дождь), 10 (дождь), 11 (дождь), 12 (дождь), 13 (дождь), 14 (дождь), 15 (дождь), 16 (дождь), 17 (дождь), 18 (дождь), 19 (дождь), 20 (дождь), 21 (дождь), 22 (дождь), 23 (дождь), 24 (дождь), 25 (дождь), 26 (дождь), 27 (дождь), 28 (дождь), 29 (дождь), 30 (дождь);
ДЕКАБРЬ 1 (дождь), 2 (дождь), 3 (дождь), 4 (дождь), 5 (дождь), 6 (дождь), 7 (дождь), 8 (дождь), 9 (дождь), 10 (дождь), 11 (дождь), 12 (дождь), 13 (дождь), 14 (дождь), 15 (дождь), 16 (дождь), 17 (дождь), 18 (дождь), 19 (дождь), 20 (дождь), 21 (дождь), 22 (дождь), 23 (дождь), 24 (дождь), 25 (дождь), 26 (дождь), 27 (дождь), 28 (дождь), 29 (дождь), 30 (дождь).

СКАЧКИ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ (УДѢЛЬНЫЙ ИППОДРОМЪ).

ИЮНЯ: 2, 4, 7, 9, 11, 14, 16, 18, 21, 23, 25, 28, 30. **ИЮЛЯ:** 2, 5, 7, 9, 12, 14, 16, 19, 22, 24, 26, 28, 30. **АВГУСТА:** 2, 4, 7, 9, 11, 13, 16, 18, 20, 23, 25, 27 и 29.